

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 6
15 МАРТА
1906

1906 годъ.

Мартъ № 6.

ЖУРНАЛЬ

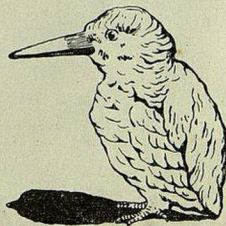

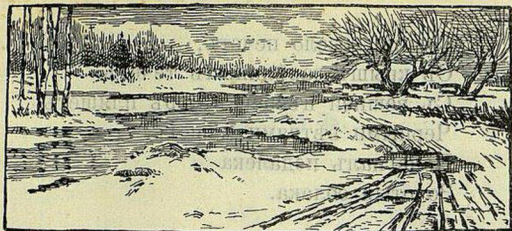
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Мартъ—стихотвореніе Вячеслава Иванова.
2. Воронъ—разсказъ В. Полванова. (Окончаніе). Съ 2 рисунками.
3. Матушка—разсказъ О. Бялевской. (Окончаніе). Въ текстѣ картина Леонардо-да-Винчи Тайная Вечеря и Мадонна Беллини.
4. Вербная суббота—стихотвореніе А. Блока.
5. Благовѣщеніе — В. Успенскаго. Съ картиной Фра - Беато-Анджелико.
6. На огородѣ бабушки Матрены—разсказъ Н. Санжаръ. Съ 2 рисунками Е. Кругликовой.
7. Какъ живутъ разные люди въ Россіи—очеркъ Е. Елеонской. Съ 3 рисунками.
8. Ариэмогрифъ, загадка буквъ въ фигурѣ № 1, загадка № 8, шарада № 8.
9. Рѣшеніе ребуса № 4.

Мартъ.

ТЕПЛЫЙ вѣтеръ вихревой,
Непутевый, вѣстовой,
Про весну смутьянить, шалый,
Топить, топчетъ снѣгъ отталый,
Куралесить, колесить,
Запѣвалой голосить...

Кто-то съ полночи нагрѣбъ
На проталину сугробъ,
Надъ землею разомлѣлой
Пронесъ зимою бѣлой.
Старый снѣгъ на убыль шелъ,—
Внукъ за дѣдушкой пришелъ.

Солнце весело печеть,
Съ крышь завѣянныхъ течеть.
Съ вешней пѣсней вѣтеръ пляшетъ,
Черными вѣтвями машетъ,
Понагналъ издалека
Золотыя облака.

Вячеславъ Ивановъ.

Воронъ.

(Окончаніе).

IV.

ПРОЧЬ отъ людей! Пусть они ненавидятъ, я имъ отвѣчу тѣмъ же, — думалъ воронъ, улетаая во мракъ ночи. Въ немъ кипѣла и разгоралась злоба. Онъ былъ доволенъ, что можетъ кликать бѣды на міръ. — Я черный воронъ, я проклять міромъ, такъ пусть и міръ узнаеть ту злобу, которую онъ зародилъ въ моей душѣ.

Летѣлъ онъ день, летѣлъ и ночью, все дальше, дальше отъ мѣста боя, и чудились ему пушечные раскаты, они какъ будто гнались за нимъ.

Вотъ снова море, другое море. Оно еще шире раскинулось. Бѣлыя чайки носятся надъ скалами, сіяетъ день, а на сердцѣ ворона залегла старая злоба и незаслуженная обида.

Далеко въ море вышелъ суровый утесъ. Тяжелыя волны океана разбивались о его каменную грудь. Дрожали скалы во время бури, лишь одинокій утесъ стоялъ непоколебимо, и сраженные волны падали у его подножья. Далеко огибали корабли тотъ дикій берегъ, однѣ лишь чайки носились смѣло, купались въ волнахъ, въ сѣдой пучинѣ.

И свиль пріютъ свой могучій воронъ на вершинѣ утеса. Онъ

слушаль ревъ великаго океана, незнающаго покоя. Спокойно небо, и нѣтъ ни тучки, ни облачка, а океанъ реветъ и брызжетъ пѣной.

Кидался воронъ въ родное небо, все выше, выше. Онъ искалъ отвѣта, котораго ему не дала жизнь, не дали люди.

Внизу клубились густымъ туманомъ облака, плывшія надъ землей. Цѣлое море бѣлыхъ облаковъ отдѣляло его отъ земли. Порою гроза гремѣла въ облакахъ и молнія пробѣгала по нимъ. Тучи вздрагивали и раскаты грома неслись далеко. Гроза гремѣла внизу, а надъ нимъ сіяло лучезарное солнце.

Все выше, выше. Холодный воздухъ и глубь такая со всѣхъ сторонъ обнимаетъ его, но нѣтъ отвѣта, солнце далеко, рѣдѣетъ воздухъ, уже трудно дышать и надо спускаться назадъ, на землю! Къ землѣ прикованъ, какъ все живое, могучій воронъ. Чѣмъ выше вверхъ заносятъ крылья, тѣмъ ниже надо спускаться къ землѣ.

И дикимъ сталъ воронъ, сталъ кровожаденъ, угрюмъ и злобенъ. Кидались чайки съ отчаяннымъ крикомъ, когда среди бѣлой веселой стаи мчался стрѣлою черный отшельникъ. Онъ пронзалъ своимъ тяжелымъ клювомъ ихъ чистую, какъ снѣгъ, грудь и, обливаясь горячей кровью, падали чайки, не докончивъ полета, и тонули въ морѣ. Онъ боялись и ненавидѣли ворона, а онъ носился черной тѣнью надъ скалами и разорялъ ихъ гнѣзда, сшибая въ море, съѣдая птенцовъ ихъ.

На утесѣ, гдѣ онъ свилъ гнѣздо, кругомъ валялись разбитыя раковины, шейки раковъ, крылья и перья убитыхъ и растерзанныхъ птицъ.

Испуганно вспархивалъ воронъ и далеко уносился въ море, за-видя человѣка. Настала весна, все ликовало кругомъ и даже самъ океанъ не такъ сурово летѣлъ на скалы, одинъ только воронъ не зналъ весенней радости.

Чайки кружились у своихъ гнѣздъ, у нихъ вывелись дѣти. Воронъ замышлялъ кровавый набѣгъ.

Раннимъ утромъ вылетѣлъ воронъ на добычу. Онъ разорилъ гнѣздо и съ добычей вернулся на свой утесъ.

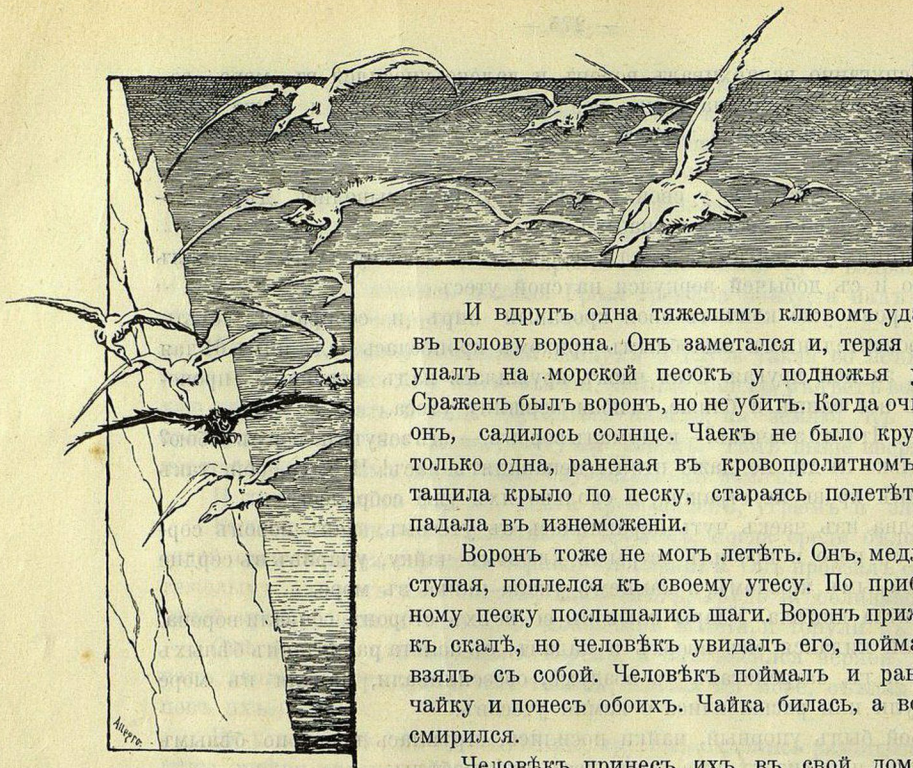
Воронъ уже кончалъ свой кровавый пиръ и собирался летѣть. Съ пронзительнымъ жалобнымъ крикомъ пронеслась надъ нимъ бѣлая чайка, за ней другая. Стая чаекъ кружилась надъ ворономъ, пронеслась все ближе и ближе, огибая вершину утеса.

— Что это значить? — подумалъ воронъ, — онѣ зовутъ на бой съ собою? Не только люди, но даже птицы ненавидятъ насъ! Что-жъ, бой, такъ бой, мнѣ кровь не страшна, а сколько ихъ уже собралось!

Одна изъ чаекъ чуть поравнялась съ утесомъ, какъ воронъ сорвался съ него и пробилъ острымъ клювомъ чайку, ударивъ въ сердце подъ самымъ крыломъ, и камнемъ упала чайка въ море.

Битва кипѣла. Удары клювовъ со всѣхъ сторонъ сбивали ворона. Стрѣлой кидался онъ вверхъ и падалъ, съ налета ранилъ онъ бѣлыхъ чаекъ и тѣ, затрепетавъ въ воздухѣ, обезсиливали, падали въ море и тонули или расшибались о камни утесовъ.

Бой былъ упорный, чайки носились, струилась кровь по бѣлымъ перьямъ, но близокъ уже былъ часъ ихъ побѣды.

И вдруг одна тяжелымъ клювомъ ударила въ голову ворона. Онъ заметался и, теряя силы, упалъ на морской песокъ у подножья утеса. Сраженъ былъ воронъ, но не убитъ. Когда очнулся онъ, садилось солнце. Чаекъ не было кругомъ, только одна, раненая въ кровопролитномъ бою, тащила крыло по песку, стараясь полетѣть, но падала въ изнеможеніи.

Воронъ тоже не могъ летѣть. Онъ, медленно ступая, поплелся къ своему утесу. По прибрежному песку послышались шаги. Воронъ прижался къ скалѣ, но человекъ увидалъ его, поймалъ и взялъ съ собой. Человекъ поймалъ и раненую чайку и понесъ обоихъ. Чайка билась, а воронъ смирился.

Человекъ принесъ ихъ въ свой домъ въ

большомъ селѣ на берегу моря. Онъ бросилъ птицъ въ желѣзную клѣтку и ушелъ. Воронъ осматривался. Комната была большая. На полкахъ и на окнахъ сидѣло много птицъ. Онѣ сидѣли неподвижно, застывъ въ одной позѣ. Огромный орелъ сидѣлъ надъ шкафомъ на сучкѣ, торчавшемъ изъ стѣны. Орелъ широко расправилъ крылья, готовый улетѣть, но крылья остановились, и орелъ былъ неподвиженъ. Всѣ птицы молчали, не поворачивая головъ, не шевеля безжизненными глазами. Это были чучелы.

Молоденькій ястребъ возился въ клѣткѣ, онъ пытался разломать ея металлическіе прутья, но не могъ. Воронъ тоже принялся за работу. Они возились, долбили клювами рѣшетку, но она не поддавалась. Чайка прижалась въ уголъ и смотрѣла испуганными глазами. Не зная отдыха, они до ночи рвались изъ клѣтки, но не согнули ни одного прута.

Утромъ пришелъ человѣкъ, схватилъ ястребенка и, положивъ на столъ, взялъ ножъ.

Черезъ часъ рядомъ съ орломъ, чуть-чуть пониже, летѣлъ и ястребъ, раскинувъ крылья и оставаясь на мѣстѣ. Его быстрые зоркіе глаза были неподвижны. Та же участь ждала и ворона.

Изъ сосѣдней комнаты кто-то крикнулъ человѣка, онъ вымылъ руки, залитыя кровью ястреба, и вышелъ. Ворона охватилъ ужасъ. Клѣтка была несокрушима. Онъ понималъ, что доживаетъ послѣдніе часы.

Дверь въ комнату распахнулась и на порогъ остановился мальчикъ.

Воронъ увидаль въ открытую дверь голубое небо и сердце его сжалось мучительной тоской о свободѣ.

Мальчикъ не закрываль двери. Онъ стоялъ на порогѣ и съ любопытствомъ оглядываль комнату. Потомъ онъ приблизился къ клѣткамъ, гдѣ сидѣли живыя птицы. Онъ просовываль палецъ сквозь рѣшетку и дразнилъ птицъ. Узники-птицы кидались въ глубь клѣтокъ или злобно старались клюнуть мальчика. Ихъ безсильная злоба заставляла его смѣяться.

Мальчикъ подошелъ къ клѣткѣ, гдѣ сидѣлъ воронъ у самой рѣшетки. Онъ просунулъ палецъ, но воронъ не бросился отъ него и не ударилъ клювомъ. Мальчикъ осторожно, однимъ пальцемъ погладилъ ворона по головѣ, тотъ только приблизилъ голову, ласкаясь къ мальчику. Мальчикъ просунулъ руку въ клѣтку, отворивъ дверку. Воронъ вкочилъ ему на руку. Мальчикъ весело смѣялся. Онъ вытащилъ ворона изъ клѣтки. Птица продолжала спокойно сидѣть. Мальчикъ понесъ его по комнатамъ и тотъ не улеталь.

— Ручной! ручной!—воскликнулъ мальчикъ.—Папа не дѣлай изъ него чучела, онъ ручной!

Въ комнату вошелъ большой челоуѣкъ. Онъ закричалъ на мальчика и, схвативъ ворона, сунулъ опять въ клѣтку, прогналъ мальчика и, выйдя изъ комнаты, тяжело захлопнулъ дверь.

Свобода мелькнула, мелькнуло солнце и вновь тюрьма.

Забился воронъ въ темный уголъ большой клѣтки и понуро сидѣлъ, ожидая, что вотъ дверь отворится и снова войдетъ челоуѣкъ,

снова въ открытую дверь мелькнетъ далекое небо, мелькнетъ послѣд-
 ній разъ, но оно уже будетъ чужимъ, не его роднымъ небомъ, оно
 отнято у него, ему не видать солнца. „Зачѣмъ покинулъ я глушь лѣс-
 ную, гнѣздо родное?“ Съ закрытыми глазами ожидалъ онъ смерти.

Ручка у двери повернулась, кто-то тихо, осторожно отворялъ
 дверь.

— Тотъ, большой, онъ не такъ отворяетъ, тотъ
 сильный, это не онъ.

Ручка подергалась и за дверью слышно было,
 что кто-то побѣжалъ прочь.

Воронъ насторожился.

Тяжелая дверь была крѣпко захлопнута.

Но вотъ опять ручка задергалась, сильнѣй, силь-
 нѣе. Дверь подалась и въ комнату скользнула маль-
 чикъ. Онъ бросился къ клѣткѣ, гдѣ сидѣлъ воронъ,
 быстро открылъ дверку, схватилъ его и, выбѣжавъ
 съ нимъ на воздухъ, бросилъ его въ небо.

— Лети, лети!—крикнулъ мальчикъ.

Почувялъ волю могучій воронъ, солнце блеснуло
 въ глаза лучами, небо сіяло, сіяло море.

— Свобода, воля! Прощайте люди!—И воронъ стрѣлою взвился
 въ небо и потонулъ въ чистомъ эфирѣ.

V.

Воронъ мчался прочь.

Навстрѣчу ему неслись стезею молочной тучки и кротко сіяло солнце въ небѣ.—Довольно свѣта, довольно горя,—онъ видѣлъ много, онъ извѣдалъ даль.

Назадъ, на сѣверъ, туда, гдѣ сосна-царица тихо шумить надъ лѣсомъ.

Онъ летѣлъ быстро, тучи сгущались, солнце садилось, и ночь спускалась на землю. Полна тревоги была эта ночь. Она закрыла звѣзды, земля притихла и ожидала. Впиваясь въ небо, стояли деревья.

Все ждало грозы. А тамъ въ небѣ, въ черной безднѣ, сходились на бой исполины-тучи.

Воронъ опустился на кровлю высокаго собора. Городъ притихъ. Внизу еще свѣтились одинокія окна, тамъ еще не заснули люди.

Отъ свѣта улицъ небесный мракъ казался еще болѣе непроницаемымъ.

Первая молнія разрѣзала небо и далеко прокатился громъ. Задрожали края горизонта далекими зарницами.

Гроза пришла. Молнія загоралась, кидалась съ неба на землю и громъ летѣлъ, перекатывался, замиралъ и снова гремѣлъ раскатистыми ударами. Казалось, что что-то рвется, страдаетъ и мечется въ тоскѣ.

Гроза безъ дождя, буря безъ слезъ.

И воронъ думалъ:—вотъ жизнь моя, она промчалась такъ быстро. Старость ужъ близко. Еще много силъ во мнѣ, но я не хочу больше летать по свѣту, довольно, довольно.

Ударилъ колоколъ, вздрогнулъ старый соборъ.

Сторожевой колоколъ возвѣстилъ городу полночь.

Съ вышины воронъ смотрѣлъ на спящій городъ. Здѣсь люди живутъ близко, близко другъ къ другу. Днемъ они торопятся, бѣгутъ по улицамъ, работаютъ, а ночью затихаетъ городъ, засыпаютъ люди. Они, какъ птицы.

Ему вспомнился выпустившій его мальчикъ.

Онъ не жалѣлъ о томъ, что я улетаю, онъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, опустивъ руки. Онъ мнѣ далъ свободу, онъ вернулъ мнѣ небо, вернулъ мнѣ солнце!

Крупныя капли дождя забарабанили по крутымъ скатамъ собора. Дождь усиливался.

Побѣжала вода по дождевымъ трубамъ, бросилась на каменные плиты тротуаровъ, потекли ручьи вдоль улицъ, улеглась пыль. Мостовая заблестѣла при свѣтѣ фонарей...

Воронъ спрятался подъ выступомъ широкаго карниза. Здѣсь было сухо. Дождь шелъ теплый и крупный. Сразившіяся тучи обезсилили и расплывались. На горизонтѣ заблѣлъ разсвѣтъ. Пора въ путь.

Мѣрно махая крыльями, онъ медленно поплылъ на сѣверъ. Просыпалась земля, омытая, свѣжая. Неслись голоса, звенѣли жаворонки по полямъ.

Вставало веселое солнце.

— Живутъ тамъ люди, людей ты бойся, останься здѣсь ты, не вѣдай дали!—такъ въ лѣтній вечеръ мой старый отецъ твердилъ мнѣ, сидя надъ темнымъ лѣсомъ.

Я не повѣрилъ и помчался въ даль, едва замолкли родныя слова.

Теперь довольно, назадъ, на сѣверъ, къ соснѣ-царицѣ; я извѣ даль даль, теперь довольно!

Да, я извѣдалъ даль, но что - жъ я знаю? „Когда не знаешь, такъ бросься въ небо, и все узнаешь, и все увидишь, умѣй подняться, а тамъ все видно“,—вдругъ вспомнилъ воронъ.—Какъ мало словъ сказала мнѣ мать, и я забылъ ихъ, вспомнивъ лишь теперь.

Подняться надо... Крылья мои дряхлѣютъ, ужъ нѣтъ въ нихъ прежней силы, но пусть это будетъ мой послѣдній полетъ, я поднимусь высоко въ небо. —

И онъ сталъ кругами подниматься вверхъ надъ землею.

Онъ прорвалъ стаю серебристыхъ тучекъ и погрузился въ чистую лазурь, гдѣ, вѣчно сіяя, плыветъ солнце.

И никогда онъ такъ высоко не поднимался и такъ далеко не видѣлъ землю. Воздухъ все рѣже, все холоднѣе и чище небо, ярче солнце!

Земля далеко, блещутъ озера изъ синей стали; змѣею сквозь лѣсъ и горы сверкаютъ и вьются рѣки.

Широкой лентой далеко бѣгутъ поля, степи и приволье луговъ...

Клонится солнце, день догораетъ, а тамъ луна восходитъ изъ мрака и серебрить туманъ надъ моремъ... Тѣни ночи кроютъ землю, только на закатѣ еще сѣянье, куда ушелъ догорѣвшій день.

— Я вижу, вижу, — прокаркалъ воронъ одинъ въ безбрежной пустынѣ неба, — я вижу — тьма въ борьбѣ со свѣтомъ, чѣмъ ярче солнце, тѣмъ глубже тѣни, и весь мѣръ существуетъ борьбою. —

И ему открылась тайна жизни. Воронъ все понялъ, поднявшись въ небо, и гасла злоба, и забывались обиды жизни.

И тихо сталъ онъ опускаться внизъ. Воронъ запомнилъ о тайнѣ неба. „Умѣй подняться и все увидишь!“

Туда, гдѣ надъ лѣсомъ сосна-царица стоитъ высоко, борясь съ вѣтрами, вернулся воронъ.

За лѣтомъ пришла туманная осень.

Птицы тянули въ другія страны, лишь одинъ воронъ парилъ надъ лѣсомъ и въ долгій вечеръ сидѣлъ онъ высоко на вершинѣ сосны-царицы и глядѣлъ въ даль.

Но не тянула его къ себѣ, какъ прежде, безбрежность дали. Воронъ извѣдалъ поля и степи, извѣдалъ моря и рѣки и вернулся къ соснѣ-царицѣ.

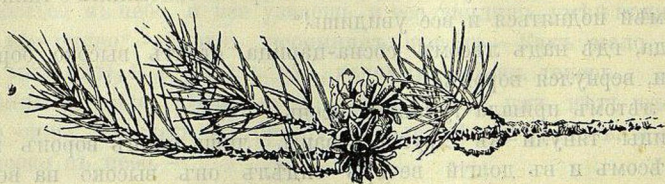
И хмурилась осень, зима наступала, замирала жизнь лѣсная, застывалъ почернѣвшій лѣсъ, засыпалъ его снѣгъ глубокой, вѣяли ночныя мятели. Вставалъ мѣсяцъ, игралъ лучами по полянамъ, искрился снѣгъ. Зима кончалась, вновь загорались яркимъ свѣтомъ огневые закаты, споря съ долгими сумерками.

Вновь шла весна изъ-за моря и жадно ждалъ ее темный лѣсъ и слушалъ вѣсти о ней отъ пролетавшаго вѣтра. А за весной наступало лѣто и начинался праздникъ природы.

Такъ бѣжали дни, бѣжали годы...

Никто не нарушалъ покой задумчиваго бора, никто не трогалъ приютъ стараго ворона.

Владиміръ Поливановъ.

Матушка.

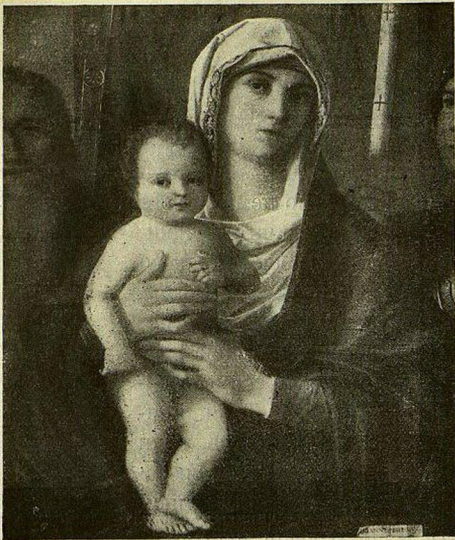
(Окончаніе).

VI.

ПОЯВЛЕНІЕ монахини въ нашемъ, свѣтски настроенномъ, домѣ было встрѣчено удивленіемъ и неудовольствіемъ, но не прошло и недѣли, какъ всѣ привыкли къ скромной фигурѣ и тихой рѣчи матушки. Появляясь среди насъ за столомъ, она не вносила съ собою никакого стѣсненія. Веселая болтовня двоюродныхъ сестеръ и братьевъ пажей, приходившихъ домой на праздники, не производили на нее непріятнаго впечатлѣнія, напротивъ, она съ интересомъ слушала ихъ споры, а веселыя шутки молодежи вызывали на лицѣ ея сочувственную улыбку. Собираясь въ театръ или на вечеръ, Лиза и Таня, проходя показаться бабушкѣ, непременно заходили и къ матушкѣ, если ея не было въ это время въ спальнѣ. Она оставляла работу и любовалась на молодыхъ дѣвушекъ, какъ любовалась на картину яснаго лѣтняго утра въ лѣсу, на залитый солнцемъ монастырскій храмъ, на полевые цвѣты, на красоту Божьяго міра.

— Хорошо, матушка?

— Ужъ такъ хорошо, мои дорогія, — отвѣчала монахиня и эти слова одобренія радовали сестеръ больше самаго изысканнаго свѣтскаго комплимента.

Мадонна Беллини.

— *Quelle idée*, — сказала m-me Роберъ, заставши однажды своихъ воспитанницъ, одѣтыхъ по бальному, въ матушкиной кельѣ и была даже нѣсколько смущена выдумкой молодыхъ дѣвушекъ. — Она можетъ обидѣться, *Lise*.

— *Oh, non, madame*, — и подбѣжавъ къ монахинѣ, Лиза положила ей руки на плечи и, заглядывая въ глаза, сказала своимъ нѣжнымъ пѣвучимъ голосомъ:

— М-me Роберъ думаетъ, что вы обидитесь на насъ съ Таней, что мы приходимъ къ вамъ съ разными пустяками.

— За что-же на васъ сердиться, дорогія? Развѣ грѣхъ мнѣ на дѣвичью красоту порадоваться? Вѣдь вы, какъ цвѣточки весеннія, на радость людямъ цвѣтете.

— *Ah*, — задумчиво проговорила

m-me Роберъ и стала другими глазами смотрѣть на матушку.

Побѣдила скоро монахиня и враждебно настроенную противъ нея еще до ея пріѣзда, прислугу.

— Вотъ наушничать-то будетъ. Хитрыя онѣ, эти монахини, бѣла,— говорили въ людской.

— Это она на первыхъ порахъ такой тихоней-то прикидывается, а тамъ все въ свои руки заберетъ; небось, будемъ по монахининой дудкѣ плясать.

Но проходили дни, недѣли и мѣсяцы и никто изъ прислуги не замѣчалъ, чтобы измѣнилось къ худшему что-нибудь въ ежедневномъ обиходѣ нашего дома. Поваръ поворчалъ, что прибавилось ему стряпни съ постнымъ столомъ для монахини; горничная бабушкина не преминула донести объ этомъ матушкѣ, но слова ея не произвели ожидаемаго впечатлѣнія.

— Конечно, милая, лишнія хлопоты,—кратко отвѣтила ей монахиня и, при первомъ удобномъ случаѣ, сказала повару:—Вы, Никита Ивановичъ, не хлопочите очень съ постнымъ кушаньемъ. Я вѣдь не избалована. Стряпайте, что попроще; вѣдь и безъ меня дѣла много.

— Помилуйте, матушка! Да я завсегда съ моимъ удовольствіемъ.

— Это ты все, сорока долгохвостая, мутишь, — ворчалъ онъ потомъ на горничную.—Мало-ли что промежъ себя говорится. У, сплетницы!

Съ тѣхъ поръ кастрюлька съ постнымъ супомъ ставилась на самое горячее мѣсто, и поваръ изошрялся въ приготовленіи постныхъ блюдъ.

Скоро всѣ служащіе въ домѣ поняли, что монахиня не только не наушница, а, напротивъ, общая заступница и предстательница передъ строгой генеральшей. Разобьютъ-ли чтонибудь изъ посуды, случится-ли

какая неприятность, хочется-ли молоденькимъ горничнымъ на вечеринку въ сосѣдній домъ, идутъ къ матушкѣ.

— Я постели оправлю, какъ васъ уложу, Анна Дмитріевна. Дѣло молодое, надо имъ повеселиться. Вѣдь хуже, какъ безъ спросу убѣгутъ.

— Да ужъ ты, мать, первая имъ потатчица! Совѣмъ дѣвокъ избалуешь.

— Молодые вѣдь, Анна Дмитріевна..

— Ну, ладно, пусть идутъ, только чтобы завтра все въ порядкѣ было, чтобы сонныхъ лицъ я не видѣла, — строго прибавляла Анна Дмитріевна.

— Ужъ не беспокойтесь,

Въ дѣвичьей поднималась веселая суета, шуршали крахмальныя юбки, грѣлись на лампѣ щипцы. Лиза и Таня принимали горячее участіе въ сборахъ на балъ: приносили кружева, ленты, цвѣты, прикалывали бантики, поправляли прически и нарядныя счастливыя дѣвочки уходили на вечеринку, а матушка справляла за нихъ дѣло, молилась въ своей кельѣ и укладывалась спать, чутко прислушиваясь къ малѣйшему шороху въ бабушкиной спальнѣ. У бабушки временами бывали сильныя боли въ ногахъ и всегда по ночамъ. До приѣзда матушки она никого не впускала къ себѣ въ это время, была страшно раздражительна, но матушка дѣйствовала на нее успокоительно. Надѣвъ мягкія туфли, она входила въ спальню и до свѣта сидѣла у бабушкиной постели, тихонько растирая больныя ноги, успокаивая бабушку однимъ звукомъ своего голоса.

— Иди ты на покой, мать, — стонала Анна Дмитриевна.

— Богъ съ вами, Анна Дмитриевна, какъ я спать буду, когда вы страдаете.

— Да вѣдь я до утра не засну.

— Ну, и я посижу съ вами.

И сидѣла до зари, а въ семь часовъ вставала на молитву и въ обычный часъ приходила въ столовую, какъ всегда, тихая и ясная, только была блѣднѣе обыкновеннаго да темно-красные круги подъ глазами свидѣтельствовали о безсонной ночи.

Бабушка настаивала, чтобы матушка днемъ ложилась отдохнуть, но она мягко отказывалась. Бабушка сердилась, ворчала, но во взглядѣ, которымъ она глядѣла въ эти минуты на монахиню, сквозила какая-то особенная, несвойственная бабушкѣ мягкость.

VII.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одно утро, незадолго до отъѣзда нашего въ деревню, спустившись съ столовую, я не нашла матушки на ея обычномъ мѣстѣ въ концѣ стола. Матушка получила письмо изъ монастыря, матушка уѣзжаетъ. Почему, зачѣмъ, надолго-ли, никто не зналъ, но все были взволнованы, встревожены, огорчены.

— Уѣзжаетъ! Какъ же будетъ безъ матушки генеральша? Кто сумѣетъ ей угодить? Кто будетъ сидѣть безсонныя ночи? — говорила прислуга.

— Mais c'est impossible, — возмущалась m-me Роберъ.

— Ахъ, мы такъ привыкли къ милой матушкѣ, — вздыхали двоюродныя сестры.

Уѣзжаетъ! Я сидѣла надъ своей остывшей чашкой, подавленная неожиданностью случившагося.

— Уѣзжаетъ! Какъ будетъ безъ нея бабушка?

— А я? Какъ я буду жить безъ нея, безъ ея сердечной ласки? Къ кому я пойду со своимъ дѣтскимъ горемъ, кто утѣшитъ, прикасается меня?

Матушку вызывала въ монастырь старая монахиня, у которой она была въ послушаніи, когда поступила въ монастырь. Монахиня эта была древняя старушка. Чувствуя приближеніе смерти, она пожелала проститься съ матушкой, которой пришлось много вынести отъ строгости и крутого нрава умирающей.

VIII.

Отъѣздъ матушки былъ назначенъ на другой день въ 7 часовъ утра. Мнѣ страстно хотѣлось проводить матушку, но какъ это сдѣлать? Анята не позволить мнѣ встать такъ рано (мы вставали въ 9 часовъ). Попросить разбудить меня? Нѣтъ, ни за что не рѣшусь. Просить чего бы то ни было у кого-нибудь всегда было трудно для меня, просить Аняту — ужасно. Я рѣшила не спать всю ночь, дожидаться седьмого часа и встать потихоньку. Съ этимъ рѣшеніемъ легла я ве-

черомъ и, хотя, конечно, скоро заснула, но сонъ мой былъ тревоженъ и проснулась я очень рано: еще не было половины седьмого. Въ комнатѣ было свѣтло, Митя сладко спалъ, разметавшись въ кроваткѣ, въ Анютиной комнатѣ не было слышно движенія. Я тихонько приподнялась на постели, прислушалась чутко: снизу не доносилось ни звука. Съ замираніемъ сердца потянулась я къ стулу, гдѣ лежало аккуратно сложенное бѣлье мое. Доставъ чулки, я посидѣла немного, прислушиваясь къ тишинѣ, потомъ начала тихонько одѣваться. Руки у меня дрожали, узкій чулокъ не лѣзъ на ногу. Наконецъ, слава Богу, одинъ чулокъ надѣтъ, потомъ и другой. Приподнявшись на постели, я достала лифчикъ. Боже мой, кто же его застегнетъ? Вѣдь пуговицы сзади. Закинувъ руку за спину, я стала застегивать его сама. Кое-какъ, съ большимъ трудомъ одну пуговицу удалось застегнуть, но вѣдь ихъ четыре. Между тѣмъ внизу послышалось движеніе. Господи, опоздаю. Сердце билось такъ сильно, что мнѣ казалось, я слышу его удары.

Господи, хоть бы еще одну пуговку...
Вдругъ на лѣстницѣ послышались шаги, дверь отворилась и на порогѣ появилась Анюта, совершенно одѣтая, затянута въ скрипучій корсетъ плотно охватывавшій ея полную крѣпую фигуру.

Нѣсколько мгновеній мы обѣ молчали: она—отъ удивленія видѣтъ меня одѣтою, я—отъ волненія и страха.

Наконецъ она двинулась къ моей кроваткѣ.
Я съ мольбой протянула къ ней руки:

— Анюта, ради Бога, Анюта, позволь мнѣ...

Я не договорила, но она безъ словъ поняла, о чемъ я ее прошу. Быстро подойдя къ кровати, она нагнулась ко мнѣ и на лицѣ ея, во взглядѣ глазъ, обыкновенно строго глядѣвшихъ на меня изъ-подъ густыхъ, дугообразныхъ бровей, я прочла никогда не виданное у Анюты выраженіе. Взглядъ ея былъ мягокъ и задумчиво-печаленъ.

— Богъ съ тобой, Соня, развѣ я такая злая...

— Анюта, я хочу проводить матушку.

— Ну такъ что же? Отчего не проводить? Давай я помогу тебѣ одѣться.

Сильными, ловкими руками, она приподняла меня съ постели и проворно застегнула мнѣ лифчикъ.

— Развѣ я такъ злая, что ты меня такъ боишься? — повторила она, застегивая мнѣ башмаки.

— Я думала, ты не любишь меня, Анюта, — прошептала я въ смущеніи.

— Вотъ глупая! А кто ночи надъ тобой сидѣлъ, когда ты была больна? Кто о тебѣ заботится, ухаживаетъ за тобой?

— Ты, Анюта.

— Вотъ видишь, а ты меня боишься. Глупая! — прибавила она и, приподнявъ мое покраснѣвшее лицо, поцѣловала меня въ губы.

Черезъ нѣсколько минутъ мы рука-объ-руку спустились по лѣстницѣ. Въ комнатахъ было тихо, всѣ еще спали. Въ незнакомомъ мнѣ утреннемъ освѣщеніи комнаты показались мнѣ странными, чужими. Старинные фамильные портреты въ лучахъ утренняго свѣта помолодѣли

и, какъ живые, глядѣли на меня съ высокихъ стѣнъ. На душѣ у меня было тоже необычно, торжественно-странно.

Сестры и m me Робертъ простились съ матушкой наканунѣ, но бабушка велѣла разбудить себя въ седьмомъ часу и приготовить кофе въ кабинетѣ.

Бабушка въ широкомъ фланелевомъ капотѣ и батистовомъ платочкѣ, повязанномъ на голову вмѣсто ночного чепца, сидѣла у окна въ своемъ креслѣ, передъ ней стоялъ небольшой столикъ съ кофейнымъ приборомъ; матушка въ выходной кашемировой рябѣ укладывала что то въ дорожный мѣшокъ. На столѣ у двери лежалъ клубокъ съ длинной креповой вуалью.

Бабушка удивленнымъ взглядомъ окинула насъ съ Анютой.

— Что это она рань какую поднялась?

— Матушку проводить хотѣла,—вступилась за меня Анюта.

Я робко подошла къ бабушкѣ.

— Что, Соня, плохо намъ съ тобой придется безъ матушки,—сказала бабушка и, прежде, чѣмъ я успѣла наклониться къ ея рукѣ, она обняла меня съ необычной нѣжностью и поцѣловала не тѣмъ официальнымъ поцѣлуемъ, какъ всегда утромъ и вечеромъ, а какъ-то особенно ласково и нѣжно. Да и вся бабушка въ капотѣ и платочкѣ была совсѣмъ не такая, какую я привыкла ее видѣть: сегодня передо мною была не строгая хозяйка дома, а больная старушка, къ которой я вдругъ почувствовала не то жалость, не то нѣжность и отъ души поцѣловала ея морщинистую руку.

Въ семь часовъ лакей, который долженъ былъ проводить матушку на вокзалъ, доложилъ, что извозчикъ у подъѣзда (матушка ни за что не хотѣла, чтобы для нея закладывали лошадей).

Матушка надѣла клубукъ, все мы присѣли кто гдѣ: матушка на кресло, Анюта на стулъ, я—на скамейку у бабушкиныхъ ногъ. Нѣсколько мгновений просидѣли мы такъ въ торжественномъ молчаніи. Потомъ матушка встала и помолилась. Мы тоже все перекрестились и начали прощаться.

— Ну, мать, не засиживайся въ монастырѣ, возвращайся скорѣе. Привыкла я къ тебѣ...—голосъ бабушки дрогнулъ. Онѣ обнялись съ матушкой, потомъ матушка сердечно простилась съ Анютой и наклонилась ко мнѣ.

— Прощай, птичка моя райская, Господь съ тобой, милая.

— Ну, ужъ прощай! Скажи до свиданія, мы съ Соней тебя ждать будемъ.

Матушка улыбнулась своей милой улыбкой.

— Ну до свиданія, мои дорогія, Господь васъ благословить.

Въ передней собралась проводить матушку вся прислуга.

— Счастливаго пути, матушка.

— Помолитесь о насъ грѣшныхъ.

— Будьте здоровы, матушка.

— Благополучно вамъ доѣхать!—сыпалось со всеѣхъ сторонъ.

Напутствуемая благословеніями и пожеланіями, матушка спустилась съ лѣстницы. Андрей вынесъ вслѣдъ за ней вышитый гарусомъ дорожный мѣшокъ.

IX.

Итакъ, матушка уѣхала, но въ душѣ моей не было тоски. Въ ясное весеннее утро, когда она уѣхала, растаяла ледяная преграда между мной и Анютой съ одной стороны, и между мной и бабушкой— съ другой. Какъ природа подъ лучами весенняго солнца одинокое сердце мое, согрѣтое незнакомой ему раньше лаской, раскрылось для привязанности къ окружающимъ меня людямъ. Я новыми глазами взглянула на своихъ близкихъ, поняла, что несправедливо судила о нихъ раньше, что должна загладить свою холодность къ нимъ и что я могу это сдѣлать. Я думала: отчего матушку всѣ любить? Оттого, что она всѣхъ любить, всѣмъ желаетъ добра. Если я буду любить бабушку, Анюту, онѣ тоже полюбятъ меня. Я чувствовала, что люблю ихъ и это чувство наполняло меня радостью. Вотъ почему въ день отъѣзда матушки въ сердцѣ моемъ не было печали: въ немъ теплилось, свѣтилось что-то и просилось наружу. Мнѣ хотѣлось выразить свое чувство, но я не находила выраженій любви и ласки, которыми было полно мое сердце. Вечеромъ этого дня, когда Анюта подошла къ моей кровати, я приподнялась на постели, обвила шею ея руками и прошептала: „покойной ночи, Анюта, милая“.

Она гнѣжно прижала меня къ своей груди, поцѣловала, укрыла заботливо, еще поцѣловала и я заснула. Мнѣ снились въ ту ночь какіе-то свѣтлые сны: залитый солнечнымъ свѣтомъ садъ у монастыр-

ской церкви, какія-то радостныя лица, Анята, матушка... Подробностей сна я не могла вспомнить, но проснулась подь впечатлѣніемъ свѣтлыхъ грезъ. Анята одѣвала Митю, который шалилъ и барахтался въ ея ловкихъ рукахъ. Она смѣялась и цѣловала кудряваго мальчугана.

— Анята, — позвала я несмѣло.

Она повернулась ко мнѣ.

— А, и ты проснулась? Это мы тебя разбудили съ этимъ баловникомъ. Ну, вставай, вставай, одѣвайся!

Я быстро одѣлась почти безъ помощи Аняты, помогла ей вымыть Митю, потомъ мы вмѣстѣ напоили его молокомъ и я пошла внизъ. Пустое матушкино мѣсто за столомъ навело меня на мысль о бабушкѣ. Какъ-то она провела ночь? Не болѣли-ли у нея ноги? Наскоро выпивъ чай, я ускользнула изъ столовой и, никѣмъ не замѣченная, пошла на бабушкину половину. Въ открытое окно матушкиной кельи врывались яркіе лучи утренняго солнца, золотые кружки дрожали и скользили по желтому полу. Послѣ яркаго свѣта, въ спальнѣ мнѣ показалось неуютно и мрачно.

— Бабушка, можно войти? — сказала я, остановившись на порогѣ.

Бабушка сидѣла у окна съ раскрытой книгой на колѣняхъ.

— Какъ вы спали, бабушка? Не болѣли-ли у васъ ноги?

— Болѣли, душенька, только не очень. Половину ночи я спала хорошо, слава Богу.

— Старость приходитъ, Соня, — прибавила бабушка, поздоровавшись со мной. — Вотъ и видѣть стала плоше, не могу долго читать.

— Бабушка, позвольте, я вамъ почитаю,— сказала я робко и подняла на нее умоляющій взоръ.

— Почитаешь? Развѣ ты умѣешь читать, Соня?

— Да, Анята учитъ меня, бабушка.

— Вотъ какъ, а я и не знала. Ну, почитай, моя милая. Вотъ отсюда.

Она положила на столъ книгу, которую держала на колѣняхъ. Это было Евангеліе.

— Вотъ здѣсь читай.

— А вдругъ я не сумѣю прочесть, — со страхомъ подумала я. — Господи, помоги мнѣ.

Въ первую минуту строчки зарябили у меня въ глазахъ, слова слились въ черныя линіи.

— Ну, читай, какъ умѣешь, Ты вѣдь маленькая дѣвочка, — ободряла меня бабушка.

Въ началѣ голосъ мой дрожалъ и срывался, но мало-по-малу я довольно сносно прочла весь отрывокъ. Занятая труднымъ для меня процессомъ чтенія, я не могла видѣть, какое впечатлѣніе производило мое чтеніе на бабушку; когда же я кончила и подняла глаза отъ книги, я увидѣла, что бабушка плакала. Первой мыслью моей было, что я такъ дурно читала, что довела бабушку до слезъ. Вѣрно, угадавъ мою мысль, бабушка улыбнулась сквозь слезы и сказала: ты хорошо читаешь, Соня. Каждый день приходи мнѣ читать. Скажи Анятѣ, что я тебя похвалила.

— А заплакала я, — прибавила она, помолчавъ съ минуту: — потому, что ты напомнила твою мать своимъ чтеніемъ. Лицомъ ты на нее совсѣмъ не похожа, а вотъ голосомъ и манерами — очень. Когда она была такихъ лѣтъ, какъ ты, я ее учила читать.

Бабушка опять помолчала.

— Хорошая была твоя мама, Соня. Рано Богъ взялъ ее отъ насъ.

— Матушка говорить, что на то была воля Божія, бабушка, — серьезно отвѣтила я.

— Конечно, Божья воля, мой другъ. Пути Его неисповѣдимы. — Бабушка грустно задумалась, забывъ свою руку на моей головѣ.

Съ этого дня я каждое утро стала ходить читать къ бабушкѣ. Если она была занята въ утренніе часы, она назначала мнѣ другое время.

— Анюта, бабушка меня хвалить, — съ восторгомъ говорила я своей учительницѣ и, ободренная похвалой бабушки и моимъ усердіемъ, Анюта начала заниматься со мной каждый день и я дѣлала успѣхи, такъ что бабушка могла хвалить меня не только для поощренія.

Послѣ чтенія бабушка не сразу отпускала меня, если у ней было время. Она рассказывала мнѣ о моей матери, какъ она была маленькая, какъ играла, училась, и мнѣ отраднo было слушать, какъ ей отраднo было рассказывать.

Х.

Черезъ недѣлю послѣ отъезда матушки пришло письмо съ монастырской печатью. Матушка писала, что старая монахиня умерла.

„Сподобилъ ее Господь блаженной кончины, — говорилось въ письмѣ, „всѣхъ собрала она въ свою келью, умильно прощенія у всѣхъ просила, всѣ обиды, всѣ вины свои вспомнила, у всѣхъ со слезами прощенья просила. Потомъ исповѣдалась, Св. Тайнъ причастилась и велѣла отходную читать. Всѣ мы собрались опять. Мать казначея отходную читаетъ. Мы молимся всѣ, плачемъ... И стала она тише, тише дышать и совсѣмъ перестала, — преставилась.

Съ благословенія игуменьи отговѣю я въ обители и двинусь въ обратный путь.

Затѣмъ до свиданія. Покорная слуга ваша и богомолица, раба Божія монахиня Маргарита“.

Бабушка велѣла Анятѣ написать отвѣтъ на это письмо, а я приписала: „милая матушка пріежайте скорей. Соня“.

Отправивъ письмо, мы стали ждать матушкина пріѣзда. Анята велѣла вымыть полъ въ матушкиной комнатѣ, повѣсила чистыя кисейныя занавѣски на окна, съ моей помощью перемыла цвѣты, которые такъ любила матушка, каждый день зажигала лампаду передъ образомъ.

Счастье, говорятъ, часто приходитъ во снѣ, когда его не ждешь. Матушка пріѣхала рано утромъ, когда весь домъ еще спалъ.

— Соня, Соня, проснись! Матушка пріѣхала! — Я съ трудомъ открыла сонные глаза. Анюта тормозила меня за плечо. Я приподнялась на постели, протерла глаза.

— Матушка пріѣхала!
Я стала быстро одѣваться и черезъ нѣсколько минутъ мы спустились внизъ.

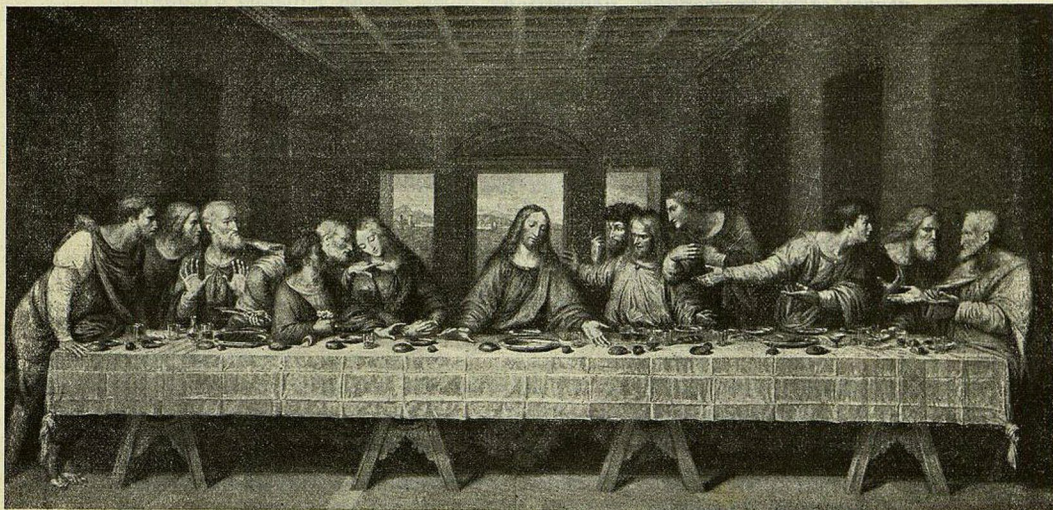
И вотъ мы опять въ странно освѣщенныхъ комнатахъ спящаго дома. Неслышно ступая мягкими туфлями, мы быстро проходимъ рядъ комнатъ, корридоръ. Матушка, уже переодѣвшаяся въ домашнее платье, стояла въ своей комнатѣ, спиной къ двери. Услышавъ наши шаги, она обернулась, удивленно-радостно и беззвучно всплеснула руками (бабушка еще не просыпалась). Мы молча обнялись и тихонько вышли изъ комнаты. Въ столовой кипѣлъ кухонный самоваръ и наскоро собрана была посуда: три разнокалиберныя чашки и стеклянная сахарница съ большими кусками сахара.

— Ну, здравствуйте, мои дорогіе, — сказала матушка. — Соскучилась я по вамъ.

Мы снова поцѣловались и Анюта начала разливать чай, а матушка достала изъ стоявшей на стулѣ корзинки просвиры, горшечекъ съ медомъ и черный монастырскій хлѣбъ.

Дружеское чаепитіе наше было прервано горничной, пришедшей звать матушку въ спальню къ бабушкѣ.

Помолившись, матушка встала изъ-за стола и сказала мнѣ съ улыбкой:

Тайная вечеря. Картина Леонардо-да-Винчи.

— Погода приходи, Сонюшка, монастырскіе подарки разбирать.

Матушка привезла бабушкѣ большой образъ Покрова Богородицы— подарокъ игуменни, много маленькихъ образковъ, деревянныя точеныя ложки съ изображеніемъ монастыря.

— А это тебѣ, Сонюшка, — сказаза она, подавая мнѣ небольшую коробочку.

Въ коробочкѣ на бѣлой ватѣ лежала нитка мелкихъ янтарныхъ бусъ съ крестикомъ. Въ мелкой грани янтарей, золитистыхъ и прозрачныхъ, искрился солнечный свѣтъ.

— Играютъ какъ, — сказала матушка. — Въ морѣ янтарь ловятъ. Говорятъ, смола это сосновая. Топится она въ жаркіе дни, а какъ въ воду канетъ, тамъ въ глубинѣ и окаменѣетъ. Чудны дѣла твои, Господи,—прибавила она задумчиво и, полюбовавшись еще игрой янтарей, надѣла мнѣ ихъ на шею.

— Носи на здоровье, моя милая.

XI.

Черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія матушки мы уѣхали въ бабушкино Тверское имѣніе. Не помню другого такого лѣта, какъ въ тотъ первый годъ матушкиной жизни въ нашей семьѣ. Какіе чудные дни стояли, какія теплыя, тихія ночи, какъ хорошъ былъ нашъ заглохшій садъ въ своемъ лѣтнемъ уборѣ, когда раннимъ утромъ мы

съ матушкой проходили по его аллеямъ, отправляясь къ ранней обѣднѣ.

Сельская церковь наша была въ полуверстѣ отъ усадьбы, съ бабушкинаго балкона видны были ея зеленыя главы и золотые кресты, а дорога къ ней вилась узкой межей черезъ ржаное поле. Высокой стѣнной поднималась рожь по обѣ стороны тропинки, невидимые жаворонки заливались въ безоблачномъ небѣ.

Въ открытыя окна церкви вмѣстѣ съ лучами утренняго солнца врывалось пѣніе и щебетаніе птицъ въ церковной оградѣ.

Мы становились у самага амвона, гдѣ мнѣ виднѣе и слышнѣе была служба и я внимательно вслушивалась въ то, что читалось и пѣлось въ церкви. Послѣ ранней обѣдни діаконъ выносилъ намъ изъ алтаря задравную просвиру, и мы возвращались домой по залитому солнцемъ полю, по обсохшему отъ росы саду. На бабушкиномъ балконѣ насъ ждалъ чай съ густыми деревенскими сливками и свѣжеиспеченными румяными булками.

Бабушка выѣзжала на балконъ въ своемъ креслѣ, приходила Анята, всегда рано встававшая и свободная, пока спалъ Митя, и мы вчетверомъ пили чай. Взрослыя говорили между собой, а я, молча, сидѣла между ними и, переводя взглядъ съ матушки на бабушку и Аняту, думала: „какъ могла я быть холодной къ бабушкѣ, бояться и не любить Аняты, которая вырастила меня съ Митей, когда мы крошками остались безъ матери?“

Э п и л о г ъ .

Прошло пятнадцать лѣтъ. Въ ясный лѣтній день къ воротамъ П—скаго монастыря подъѣхала коляска, запряженная парой сытыхъ деревенскихъ лошадей. Сидѣвшая въ коляскѣ дама, видимо была нерѣдкой гостьей въ обители: увидя ее, старая монахиня-привратница оставила работу, встала и быстро, насколько ей позволяли слабыя ноги, пошла навстрѣчу пріѣхавшей.

— Здравствуйте, матушка Досиеея,—привѣтствовала ее молодая дама, выходя изъ экипажа.—Какъ здоровье ваше? Здорова ли матушка Маргарита?

Монахиня и пріѣзжая поцѣловались.

— Богъ милуетъ. Матушка Маргарита въ добромъ здоровьѣ, Софія Николаевна.

— А вы какъ, матушка?

— Ноги слабы, а то не могу Бога гнѣвить.

Мать Маргарита и то вспоминала, что долго не бывали, Софія Николаевна. То-то обрадуется! Пойдемте, провожу васъ...

Пройдя мимо часовни у расписанныхъ старинной живописью „святыхъ воротъ“, онѣ вышли на зеленый монастырскій дворъ и, перейдя его по узенькому тротуару, вошли въ прохладный корридоръ

съ полукруглыми окнами и сводчатымъ потолкомъ, звучно повторявшимъ ихъ шаги по каменному полу. Въ корридоръ выходилъ рядъ низенькихъ дверей, ведущихъ въ кельи. Передъ одной изъ дверей онъ остановился.

— Во Имя Отца и Сына и святого Духа, -- проговорила старая монахиня.

— Аминь,—послышалось изъ кельи.

Низенькая дверь отворилась...

— Сонечка!

Въ высокой молодой дамѣ трудно было узнать маленькую, циюю Сою, но матушка измѣнилась очень мало: худощавая и блѣдная, какъ и 15 лѣтъ назадъ, она начала только чуть замѣтно горбиться.

Послѣ первыхъ минутъ радостнаго для обѣихъ свиданья, онъ сѣли другъ противъ друга въ глубокой нишѣ окна, въ которое вливался аромат цвѣтовъ монастырскаго сада.

— Ну, давненько ты не бывала, совсѣмъ забыла меня, старую,— начала матушка, любовно лаская взглядомъ свою гостью.

— Не забыла, дорогая, а занята очень была: сѣнокось, мужъ на работахъ, а у меня—ясли, да тутъ Нюрочка еще прихворнула.

— Христось съ ней, голубушкой. Чѣмъ болѣла?

— Да простудилась немножко. Всегда такъ испугаешься, какъ захвораетъ...

— Ну, еще бы.

— Да, родная,—задумчиво проговорила Софья Николаевна, теперь только, воспитывая свою дѣвочку, понимаю и цѣню, чѣмъ была для насъ съ Митей Анюта, сколько заботъ и тревогъ она перенесла, воспитывая насъ безъ матери.

— Господь не оставитъ ее за это, Сонечка.

— Да, слава Богу, Анюта счастлива въ семейной жизни. Дѣтки какія у нея славныя! Вотъ вы сами увидите ихъ. Мы вотъ что хотимъ съ Александромъ: 6-го августа, въ день нашей свадьбы, созвать всѣхъ къ себѣ въ Михайловское: Лизу и Таню съ дѣтьми вызовемъ, Митя изъ лагеря пріѣдетъ и Анюту выпишемъ съ дѣтьми. Всѣ соберемся. Только бабушки ужъ нѣтъ съ нами, прибавила она грустно.

Нѣсколько минутъ обѣ собесѣдницы молчали.

— Ахъ, дорогая моя,— снова начала Софья Николаевна,—какъ часто я переносую мысленно въ прошлое, вспоминаю свое дѣтство, ваше появленіе въ нашемъ домѣ. Вотъ вѣдь жила я у родныхъ, добрыхъ и хорошихъ людей и чувствовала себя одинокой... Если бы не вы, не ваша ласка ко мнѣ, я бы совѣмъ одичала, застыла бы сердцемъ...

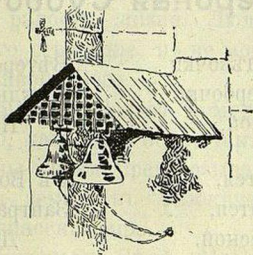
— Богъ съ тобой. Сердечко у тебя всегда было золотое.

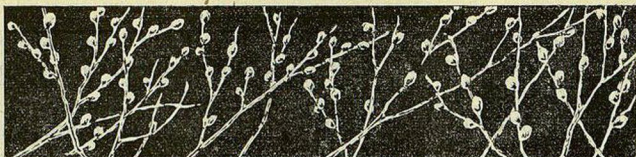
— Матушка, помните янтари? Я всегда ихъ ношу и теперь они на мнѣ. Вотъ это мое сердце. Лежалъ янтарь глубоко на днѣ морскомъ. Холодно, темно тамъ, ни луча свѣта къ нему не проникало. Но вотъ волной вынесло его на свѣтлый берегъ, солнечный свѣтъ коснулся его и загорѣлся онъ на солнцѣ, ожилъ, затеплился свѣтомъ,—вотъ это—я, дорогая...

На рѣсницахъ молодой женщины дрожали свѣтлыя слезы, снятая съ шеи нитка прозрачныхъ янтарей искрилась и переливалась золотистымъ блескомъ.

— Чудны дѣла Господни, Сонечка,—тихо проговорила монахиня и онѣ замолчали обѣ, перенесясь душой къ далекому прошлому.

О. Бялевская.

Вербная Суббота.

МАЛЬЧИКИ, да дѣвочки
Свѣчечки, да вербочки
Понесли домой.

Огонечки теплятся,
Прохожі крестятся,
И пахнетъ весной.

Вѣтерокъ удаленькій,
Дождикъ, дождикъ маленькій,
Не задуи огня!

Въ Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.

Александръ Блокъ.

Благовѣщеніе.

ЛЮДИ всегда искали Бога. Искали они Его и въ морѣ, и въ огнѣ—источникѣ жизни и въ щедрости земли, питающей все живое. Они чтили Бога, молясь звѣздному небу, и великому солнцу,—источнику свѣта, тепла, радости, жизни. Люди искали Бога вездѣ и во всемъ и находили Его отраженіе, но не могли увидѣть ни въ одной изъ стихій міра лицо Живого Бога.

Богъ посылалъ въ міръ пророковъ и мудрыхъ людей, чтобы они возвѣстили „волю Божию, какъ на небѣ, такъ и на землѣ“. Пророки раскрывали людямъ тайны жизни, предсказывали, что наступитъ время, когда Богъ сойдетъ на землю въ человѣческомъ образѣ и будетъ жить среди людей для спасенія міра.

Слова Ангела, явившагося Дѣвѣ Маріи, были дѣйствительно *благовѣщеніемъ*—доброю вѣстью для человѣчества, измученнаго ожиданіемъ Бога. Неудивительно, поэтому, что праздникъ Благовѣщенія, когда воспоминается вѣсть ангела о приближающемся спасеніи всѣхъ людей, сдѣлался однимъ изъ любимыхъ христіанскихъ праздниковъ. Въ честь него составлены возвышенныя церковныя пѣсни, ему посвящены гимны, духовные стихи, вокругъ него сложились поэтическія легенды, народныя повѣрья, примѣты.

Нашъ народъ особенно любитъ Благовѣщеніе. По народному вѣрованію, птица въ этотъ день гнѣзда не вьетъ — празднуетъ, въ этотъ день солнце при восходѣ „играетъ“, радуется вся природа и ангелы. Въ аду грѣшниковъ перестаютъ на этотъ день мучить. Богъ благословляетъ въ Благовѣщеніе землю, открывая ее на сѣяніе. Въ Россіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хранится обычай освящать въ этотъ праздникъ сѣмена для первыхъ весеннихъ посѣвовъ. Многіе до сихъ поръ выпускаютъ птицъ на волю, чтобы отпраздновать этимъ трогательнымъ обычаемъ великій день свободы міра.

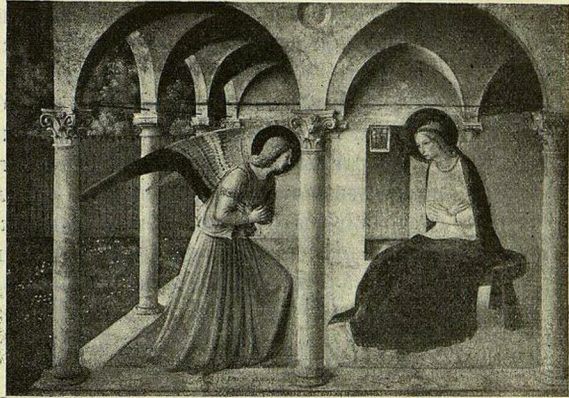
Иудейскій городъ Назаретъ, гдѣ свершилось Благовѣщеніе, существуетъ до сихъ поръ. Имя Маріи хранитъ его отъ запустѣнія и забвенія. Самый городъ очень бѣдный и безлюдный. Но на мѣстѣ, гдѣ, по преданію, жила Марія, выстроена великолѣпная, выложенная мраморомъ, церковь. Въ этой церкви, въ сторонѣ отъ высокаго мраморнаго престола, стоятъ двѣ мраморныя же колонны, которыя, по преданію, св. царица Елена поставила на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ предъ Маріею ангель. Сюда, какъ и въ Виолемъ, гдѣ родился Спаситель, постоянно стекаются паломники поклониться жилищу Божіей Матери.

Величайшіе художники міра не разъ изображали Благовѣщеніе, какъ начало новаго завѣта Бога съ людьми.

Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ итальянскій живописецъ, доминиканскій монахъ, Фра-Джованни да Фьезоле, прозванный за свою душевную чистоту „ангелоподобнымъ“ — Анджелико и причисленный католической церковью къ лику блаженныхъ—Беато. Онъ родился въ

1387 году, въ одномъ изъ Флорентійскихъ округовъ и съ юныхъ лѣтъ изучалъ работы великихъ мастеровъ. Глубокая религіозность и отвращеніе отъ шума и тревогъ мірской жизни заставили его стремиться къ уединенію и тишинѣ. Онъ постригся въ монахи въ монастырѣ доминиканцевъ, основанномъ во Фьезоле, неподалеку отъ Флоренціи.

Тамъ онъ посвятилъ всю свою долгую жизнь служенію Богу и искусству. Въ его картинахъ ясно отразилась вся его душа, чистая, кроткая и глубоко вѣрующая. Изображаемая имъ святые выходили болѣе святыми, чѣмъ у всѣхъ другихъ художниковъ. Рассказываютъ, что Фра-Джованни никогда не принимался за кисть, не помолившись Богу, и не написалъ ни одного распятія, не проливъ за работой обильныхъ и горячихъ слезъ. Слава его распространилась по всей Италіи и онъ легко могъ бы сдѣлаться богачемъ, но не хотѣлъ этого, говоря, что истинное богатство состоитъ въ томъ, чтобы довольствоваться малымъ. Онъ могъ бы повелѣвать многими, но предпочиталъ повиноваться другимъ и этимъ

достигъ высшей и настоящей свободы—свободы духа. Никто изъ бра-
тии никогда не видалъ, чтобы онъ сердился и только улыбкою укорялъ
онъ людей. Онъ относился къ своимъ картинамъ не какъ къ выгодной
работѣ, способствующей его славѣ, а какъ къ душеспасительному
дѣлу. Въ каждую картину влагалъ онъ свою пламенную вѣру, свое
свѣтлое представленіе о загробной жизни. Нѣкоторыя произведенія
Фра Беато Анджелико, къ несчастію, погибли, но множество сохрани-
лось и до сихъ поръ. Произведенія его можно видѣть почти во всѣхъ
большихъ музеяхъ Европы, но особенно много ихъ во Флоренціи.

Картины Фра Беато Анджелико такъ поражали зрителей своею
неземною чистотой и святостью, что сложилась поэтическая легенда,
будто ангелы слетали въ келью кроткаго монаха и, когда онъ засы-
палъ, утомленный долгой работой, они брали его палитру и кисти и
дописывали недоконченную картину.

В. Успенскій.

На огородъ бабушки Матрены.

I.
ПРИШЛА зима, да такая холодная: безъ снѣга.

На огородѣ бабушки Матрены, Боже мой, какая суета: сухіе листья сосѣдней роши тучами перелетали черезъ заборъ и весело носились по опустѣвшимъ грядкамъ.

Все, что было легко, время отъ времени вдругъ подхватывалось и начинало кружиться, исполняя самый замысловатый танецъ: это продѣлки Вѣтра.

— Вотъ неугомонный-то, просто житья отъ него нѣтъ!—жаловалось Воронье Пугало, считавшее себя до нѣкоторой степени хозяиномъ огорода.—Вѣдь такъ, пожалуй, мой кафтанъ совсѣмъ разорвется къ веснѣ.—

— Весны тебѣ и не видать!—насмѣшливо свистѣлъ Вѣтеръ прямо въ лицо Пугалу.—Ужъ я до тебя доберусь. Довольно ты мозолило всѣмъ глаза.

— Да, милѣйшій, пѣсенка твоя ужъ спѣта!—сказала Ворона, безцеремонно взгромоздясь на голову Пугала.

— Что это такое?—возмутилось Пугало.—Позвольте, гдѣ же это видано, чтобы кто-нибудь садился другому на голову и каркалъ такъ неприятно?

— Ура!.. Теперь на нашей улицѣ праздник!—не унималась Ворона...

— Ха, ха, ха, вотъ такъ исторія!—покатывался отъ смѣха забытый бабушкой Матреной Боченокъ, начинавшій уже разсыпаться.

— Удивительно, смѣшно! Нехорошо, соедѣ, смѣяться надъ чужимъ горемъ.

Кромѣ смѣха у тебя ничего на умѣ нѣтъ. Стыдись, нельзя такъ жить: надо стараться думать, какъ быть полезнымъ.

— Ну, это не для меня! — возразилъ Боченокъ.— Не сердись; я, право, не могу, какъ ты, все думать, да вздыхать. Все равно это ни къ чему. Вотъ скоро, скоро я совсѣмъ разсыплюсь, свиньи придутъ и чудесно втопчутъ меня въ грязь.

— А я такъ увѣренъ, что еще буду жить, еще не мало принесу здѣсь пользы,— настаивало Пугало.— Вотъ только бы пришла весна скорѣй!..

— Ахъ, ты, шутъ гороховый!—закричалъ съ презрѣніемъ Заборъ,— Подумаешь, какія вещи говорить: „не мало пользы“! Да, ты,

позволь спросить, что дѣлало здѣсь все время? Размахивало руками, да съ пріятелемъ трещало. Ну, пара, нечего сказать. Палками бы васъ отсюда...

— Вы правы, милостивый государь, ужъ такъ они всемъ надоѣли, такъ надоѣли, что и рассказать нельзя!—вмѣшалась въ разговоръ старая, престарая Береза, сгибаясь отъ возмущенія такъ низко, что почти касалась вѣтками земли.

— Ихъ проучить бы надо было хорошенько!—закричала Липа.

— Видѣла я, какъ дѣлали это Пугало весною: двѣ палки, одна потолоще въ длину, другая, замѣняя руки, поперекъ, и палки-то еще отъ старыхъ грабель, — вмѣшалась въ разговоръ старая рябина.

— Красавецъ, нечего сказать!

— И этотъ Боченокъ тоже хорошъ!

— Мнѣ кажется, оба они прескверно кончатъ—вотъ вспомните тогда мои слова.—

Качались и скрипѣли деревья, каркали вороны, вѣтеръ свистѣлъ и шумѣлъ.

Пугало трепалось фалдами и рукавами своего кафтана, но стояло крѣпко.

— Свисти, свисти, голубчикъ: я устою. Я буду жить, буду еще полезно. Господи, какъ я люблю этотъ прекрасный огородъ... Вотъ тутъ расли чудесная капуста, картофель, свекла. Какіе дивные бобы, горохъ!.. Вотъ тамъ въ углу красиво росъ съ такими стрѣлками высокими пахучій лукъ; сбоку: салатъ, спаржа, редиска, рѣпка, а

тамъ: укропъ, морковь, петрушка, пастернакъ и между грядками тянулись аллеи кукурузы. Здѣсь: помидоры, огурцы, арбузы, тыквы, дыни... Господи, какъ хорошо тутъ было, какъ славно сіяло солнце! Какая красота—подсолнечникъ цвѣтушій и макъ, албюшій то здѣсь, то тамъ. Да, милый мой Боченокъ, и потрудился же я здѣсь, изъ всѣхъ силъ старался, оберегая грядки отъ разбойницъ-воронъ. Понятно, что теперъ онѣ на меня злятся. Ну, да ничего. Чудесное это было время, и, я вѣрю, оно еще вернется. А теперъ приходится бездѣйствовать—это меня ужасно огорчаетъ, и впереди еще скучнѣйшая зима. Но это все пройдетъ, снова весна вернется! Знаешь, я люблю тебя, милый Боченокъ, давай же держаться крѣпко. Мы до весны должны дожить и, увѣряю, не напрасно.—

II.

Стало еще холоднѣй.

Вѣтеръ свирѣпо дулъ. Въ рощѣ деревья молили Бога о снѣгѣ; но снѣгъ не шель. Отъ скуки онѣ часто ссорились и иногда ссора кончалась дракой: разозлясь, деревья пребольно хлестали другъ друга вѣтками.

На огородѣ бабушки Матрены у Пугала большое горе: вѣтеръ его такъ раскачалъ, что, по его желанію, бѣдняга склонялся то на одну сторону, то на другую. Пугало это очень огорчало, а тутъ еще и пріятель Боченокъ почти разсыпался.

Сосѣди-же все время надъ ними насмѣхались и предсказывали дурное. Пугало пало духомъ.

— Да брось ты слушать ихъ,— часто совѣтоваль Боченокъ.—Пусть, на здоровье, говорятъ.

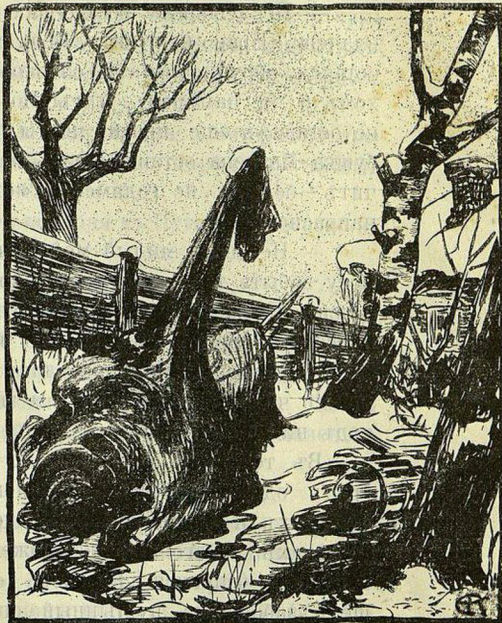
— Ну, а вдругъ свалюсь! Вѣдь я тогда пропасть: весны мнѣ не видать; не буду я размахивать руками и сторожить этотъ прекрасный огородъ.—

Однажды вѣтеръ особенно разбушевался; Пугало безпомощно трепалось и, наконецъ, не выдержавъ, свалилось, подъ крики радости деревьевъ и воронь.

Свалилось Пугало, да так неудачно: одна рука съ заостреннымъ концемъ, застряла крѣпко въ землѣ, другая-же торчала прямо вверхъ. Получилась странная, сложенная фигура.

Насмѣшкамъ не было конца. Пугало горько плакало.

— Господи, вотъ я какой несчастный и упасть какъ слѣдуетъ не могъ.

— Послушай-ка, сосѣдшка, — просилъ его Боченокъ, — чего ты плачешь? Право не стоитъ. Вери съ меня примѣръ: видишь, бокъ одинъ остался, обручи торчатъ, словно голыя ребра, а я еще не падалъ духомъ и не намѣренъ, нѣтъ! Но, скажи мнѣ, неужели и теперь ты не оставилъ еще своей мечты о пользѣ? Повѣрь мнѣ, недаромъ бабушка Матрена оставила насъ на произволъ судьбы: никуда мы, значитъ, больше не годимся. Смотри правдѣ въ глаза и не мечтай напрасно.

— Не знаю, милый мой Боченокъ, — возражало Пугало, — но я не могу забыть того счастливаго времени, когда я трудился и былъ полезенъ. Неужели счастье совсѣмъ ушло, неужели мнѣ насталъ конецъ и все-таки передъ концомъ, въ послѣднюю минуту жить такъ хочется! О, Боже мой, неужели все для меня пропало: не встану я, меня, съ моимъ чуднымъ кафтаномъ и шляпой, засыплеть снѣгомъ, и я сгнию подъ нимъ...

Въ то время, какъ Пугало такъ горевало, въ сосѣдней рошѣ брелъ одинъ несчастный человѣкъ. Онъ весь продрогъ въ своихъ отрепьяхъ и былъ очень голоденъ. Онъ брелъ, не зная самъ куда, такъ-какъ у него не было даже своего угла. Шелъ онъ и иногда съ испугомъ озирался. Но вотъ ему пришло въ голову заглянуть въ щель забора на пустынный огорождъ бабушки Матрены: несчастные люди всюду заглядываютъ, въ надеждѣ, что можетъ быть и имъ гдѣ-нибудь встрѣтится хоть капля счастья.

Заглянулъ несчастный человѣкъ на огорождъ и удивился.

— Что за чудо, да никакъ тамъ человѣкъ сидитъ... Нѣтъ, какъ будто полулежитъ и странно треплется... Ба, да это пугало для птицъ! Конечно, Пугало. Интересно, что на немъ надѣто. Сейчас посмотримъ.

Сказано-сдѣлано.

Въ одно мгновеніе онъ перелѣзъ черезъ заборъ и осторожно пробрался между грядками. Вскорѣ онъ убѣдился, что огородъ пустынный и смѣлѣй направился впередъ.

— Здорово, пріятель,—сказалъ онъ подходя къ Пугалу.—Позволь-ка посмотреть мнѣ твой кафтанъ.

Говоря это, онъ снялъ съ Пугало кафтанъ.

— Ого, сколько тутъ дыръ. Но если ихъ зашить, то кафтанъ будетъ ничего-себѣ: матеріалъ хороший, толстый. Ну-ка, теперь помѣряемъ... Что-же, сидитъ отлично, а главное стало теплѣе,—вотъ такъ находка!.. Э, да тутъ и шляпа есть! Поди-ка, душенька, сюда. Да ты совѣмъ прилична, куда лучше моей. Только надо тебя маленько пообчистить...

Вотъ-то обрадовалось Пугало.

— Боченокъ, слышишь, что говоритъ этотъ прекрасный человѣкъ? Вотъ счастье, мой кафтанъ и шляпа пригодились! Слышишь, какъ потѣшаются враги... Смѣйтесь, я радъ доставить вамъ такое развлечение. Вы правы: я только палка изъ подъ старыхъ грабель. Все это такъ. Но я дождался того, о чемъ мечталъ. Я очень счастливъ.

Пугало ликовало. Боченокъ удивлялся.

— Ишь-ты, какой, дождался своего! Знаешь, я теперь тебя отлично

понимаю. Да, оно, пожалуй, приятно чувствовать себя полезнымъ. У этого человѣка было такое счастливое лицо, онъ такъ обрадовался твоему кафтану и шляпѣ, что мнѣ стало завидно...

— Ага, теперь ты понялъ,—радостно сказало Пугало.—Вотъ по-дожди, мнѣ кажется и ты ему на что-нибудь да понадобишься.

— Куда ужъ мнѣ!—первый разъ въ жизни вздохнулъ Боченокъ.

Но тутъ предсказаніе Пугало оправдалось. Несчастный человѣкъ зорко осматривалъ огородъ бабушки Матрены и что-то придумалъ. Лицо его вдругъ освѣтилось радостной улыбкой. Онъ подошелъ къ Боченку, взялъ отъ него дощечку и отправился искать то мѣсто, гдѣ росъ картофель. Вотъ онъ нашелъ и принялся рыть землю.

Долго онъ напрасно рылся: бабушка Матрена отличная была хозяйка, картофель выкопала аккуратно. Но все-таки то здѣсь, то тамъ, по одной картофелинѣ, несчастный человѣкъ накопалъ съ десятокъ.

— Вотъ такъ удача! Отличный выйдетъ ужинъ, — сказалъ онъ поспѣшно возвращаясь туда, гдѣ были Пугало съ Боченкомъ.

— Ну-ка, пріятели, вы мнѣ чудесно пригодились!—Трахъ, трахъ трахъ,—палки Пугала были изломаны; Боченокъ весь разобранъ; сухіе листья такъ славно загорѣлись; вѣтеръ чудесно раздувалъ костеръ, а несчастный человѣкъ съ восторгомъ пекъ картофель.

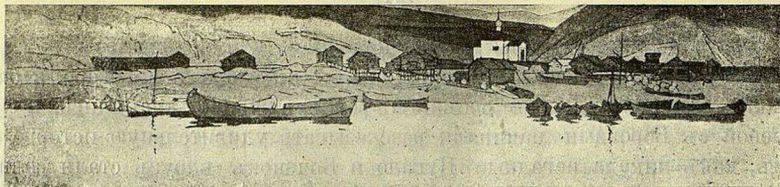
Надо ли говорить о томъ, какъ Пугало съ Боченкомъ ликовали? Боже мой, какъ они трещали, отбрасывая искры, какъ радовались, глядя на несчастнаго человѣка, согрѣтаго ихъ пламенемъ.

— Ура! ура! мы пригодились!— все время раздавалось изъ костра.

Враги были поражены: ничего подобного они не ожидали.

Съ тѣхъ поръ, каждую осень, кто бы ни забрелъ на огородъ бабушки Матрены, деревья сосѣдней рощи вѣжливо кланялись, и на перебой съ Воронами начинали рассказывать удивительную исторію о томъ, какъ никуда негодные Пугало и Боченокъ вдругъ стали солнцемъ. Какъ солнце освѣтило все вокругъ, какъ хорошо и весело всѣмъ стало. А Заборъ, при этомъ утверждалъ, что это солнце грѣло и такъ тепло, какъ лѣтомъ...

Н. Санжаръ.

Какъ живутъ разные люди въ Россіи.

Очеркъ первый.

ЗА Уральскими горами въ Азіатской Россіи течетъ многоводная, шумная рѣка Обь; въ холодный Ледовитый океанъ попадаютъ ея воды. Мимо горъ пробѣгаетъ эта рѣка, и по лѣсамъ течетъ, наконецъ растекается по тундрѣ.

А тундра это большое болото; отъ холода все оно промерзло и никогда совсѣмъ не оттаетъ, потому что солнце недолго и негорячо свѣтитъ надъ нимъ. Ничего красиваго не растетъ на тундрѣ: кочки покрыты мхомъ, кое-гдѣ растетъ тоненькая березка, да и то не поднимается вверхъ, а гнется къ землѣ, кривится, точно ползеть... По берегу рѣки растутъ невысокія, гибкія ивы. Много рѣкъ течетъ въ шумную Обь; по тундрѣ, совсѣмъ недалеко отъ холоднаго океана, вьется рѣчка Полуи, на ея берегу стоитъ село Обдорскъ. Это послѣд-

нее русское селеніе, за нимъ уже нѣтъ русскихъ селеній. Обдорекъ недалеко отъ берега холоднаго моря; кругомъ него во все стороны тянется тундра, а по тундрѣ разбросаны жилища не русскаго народа: стоятъ юрты остяковъ, да чумы самоѣдовъ *). Обдорекъ невеликъ: русскихъ жилищъ тамъ немного, да и жить-то тамъ не такъ удобно, какъ въ большихъ русскихъ городахъ. Зима въ Обдорекѣ стоитъ долго, бываетъ очень холодная и снѣжная; уже съ сентября выпадаетъ снѣгъ и лежитъ до половины мая, поднимаются снѣжныя бури и заносятъ Обдорекъ сугробами, заметаютъ тундру; морозы стоятъ жестокіе, болѣе 45° бываетъ: приходится кутаться въ мѣха съ головы до ногъ, когда выходишь на улицу. Въ 10 часовъ только начинается по утрамъ свѣтать, а въ 1 часъ дня уже темнѣетъ и нужно огонь зажигать. Долго тянется холодная, зимняя ночь, темное небо бываетъ все усыпано звѣздами, а когда восходитъ луна, то вся тундра, одѣтая снѣгомъ, такъ и блеститъ подъ луною; тихо кругомъ—претихо, никого нѣтъ, только развѣ на узенькихъ, легонькихъ санкахъ, запряженныхъ оленями, проѣдетъ самоѣдъ. Олени бѣгутъ быстро, быстро; саночки скользятъ неслышно по снѣгу; самоѣдъ, закутанный въ мѣха, съежившись, молча сидитъ, едва шевелитъ вожжами... и опять нѣтъ никого въ тундрѣ, только снѣгъ переливается разными блестками подъ луннымъ свѣтомъ. А когда по ночамъ нѣтъ луны, на небѣ вдругъ

*) Юрты и чумы—это палатки изъ звѣриныхъ шкуръ, ихъ можно разобрать и перенести съ одного мѣста на другое.

разливается необыкновенное сіяніе, точно синевато-желтоватая бахрома виситъ на небесахъ и переливается, какъ волны; то исчезнетъ это сіяніе, то опять появится. И красиво, и удивительно смотрѣть на него. Хотя и холодно жить въ Обдорскѣ, жители его сумѣли защититься отъ морозовъ теплою одеждою: русскіе такъ же, какъ самоѣды и остяки, надѣваютъ поверхъ обыкновеннаго домашняго платья рубашку изъ оленьяго мѣха, потомъ еще мѣховую одежду и мѣховые сапоги, такъ и выходятъ на улицу, не боясь мороза, и рѣдко простужаются.

До Обдорска нѣтъ желѣзной дороги и ѣхать туда можно по рѣкѣ Оби лѣтомъ, когда вода въ ней непокрыта льдомъ. А лѣто начинается въ Обдорскѣ съ конца мая.

Съ 5-го мая начинаетъ солнце стоять на небѣ не только днемъ, но и всю ночь, уйдетъ на полчаса за далекія горы, а потомъ взойдетъ и свѣтитъ; такъ ночи и не бываетъ до конца іюля. Тундра оттаеетъ только на поверхности, покроется невысокой травой, на кривыхъ березкахъ распустанятся листочки, зацвѣтутъ незабудки, колокольчики, да нѣкоторые ягодные кусточки; налетятъ разныя птицы: лебеди, утки, пѣтушки, оживится тундра.

Мошекъ лѣтомъ является очень много, кусаются онѣ больно и никакъ отъ нихъ не избавишься.

Самоѣды и остяки, которые зимою ставятъ свои юрты и чумы около Обдорска, складываютъ ихъ лѣтомъ, собираютъ своихъ оленей и уходятъ съ ними къ берегамъ холоднаго океана, гдѣ не водятся

эти мошки, отъ которыхъ житья нѣтъ. Остяки начинаютъ ловить по рѣкамъ рыбу, чтобы потомъ продать ее въ Обдорскѣ.

Лѣтомъ пріѣзжаютъ пароходы въ Обдорскъ, привозятъ письма, книги, газеты изъ Россіи.

Въ августѣ уже становится холодно, поспѣетъ въ тундрѣ на бугоркахъ морошка, желтенькая ягодка, опадутъ березовые листочки, завянетъ трава, и лѣту конецъ.

Опять къ Обдорску начнутъ подходить остяки и самоѣды, навезутъ сюда рыбы, звѣриныхъ шкуръ; изъ русскихъ сибирскихъ городовъ къ январю понаѣдутъ русскіе купцы, привезутъ свои товары. Въ январѣ открывается въ Обдорскѣ ярмарка. На улицахъ шумно и тѣсно, толпятся самоѣды, закутанные въ мѣха, ихъ жены въ пестро украшенныхъ шубахъ, въ бусахъ, съ яркими ситцевыми лентами на головныхъ уборахъ; слышится ихъ твердый, рѣзкій говоръ; много и остяковъ на ярмаркѣ, ихъ протяжная, мягкая рѣчь сливается съ общимъ шумомъ.

Торгуютъ прямо съ остяцкихъ саней, нартъ, и торговля идетъ главнымъ образомъ, мѣновая. Одинъ товаръ идетъ въ обмѣнъ на другой.

Русскіе сбываютъ муку, печеный хлѣбъ, вино, сукно яркихъ цвѣтовъ, табакъ въ листьяхъ, холстъ, желѣзные и мѣдные издѣлія, серьги, кольца, бусы, бисеръ и зеркальца. Въ обмѣнъ на этотъ товаръ они берутъ мѣха песцовъ и лисицъ, шкуры оленей и бѣлыхъ медвѣдей, рыбу, рыбій клей, птичье перо, мамонтову кость, моржовые клыки и ворвань.

Какъ только кончится ярмарка, русскіе купцы уѣдутъ изъ Обдорска. Самоѣды и остяки разойдутся по тундрѣ и начнутъ переходить въ ней съ мѣста на мѣсто, ища для своихъ оленей удобныя мѣста

съ хорошимъ мхомъ. Этотъ мохъ нуженъ для пищи оленямъ, и они умѣютъ хорошо доставать его изъ-подъ снѣга.

Послѣ ярмарки тихо становится въ Обдорскѣ; только метели заносятъ его со всѣхъ сторонъ, снѣгъ крутится и ложится бѣлымъ ковромъ по тундрѣ, просторно въ ней, не видать ея конца-края. Тѣсно и грязно въ жилищахъ самоѣдовъ и остяковъ, чумы и юрты не велики, а семьи иногда очень большія въ нихъ живутъ; еще самоѣды живутъ лучше, нежели остяки,

чище и богаче. Холодно зимою бѣднякамъ въ плохихъ жилищахъ, вокругъ которыхъ вѣтеръ гуляетъ, да морозъ трещить; и холодно, и голодно; а еще хуже приходится дѣтямъ-сиротамъ самоѣдскимъ и остятскимъ; если и возьмутъ ихъ къ себѣ чужіе люди, жизнь для

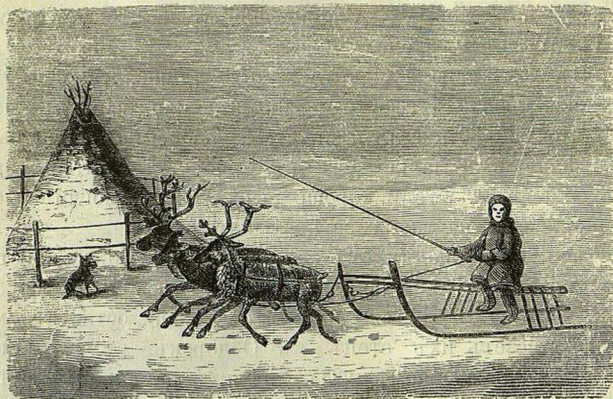
дѣтей не будетъ хороша: и самимъ-то хозяевамъ тѣсно въ чумѣ или юртѣ, а тутъ еще чужой ребенокъ прибавится.

Вотъ для этихъ-то самоѣдскихъ и остятскихъ сиротъ и устроили въ Обдорскѣ русскіе священники и монахи домъ, куда стали собирать бѣдныхъ дѣтей, у которыхъ умерли родители, чтобы эти сироты не погибли отъ голода и холода.

Въ этомъ домѣ-пріютѣ сиротамъ жить лучше, чѣмъ въ чумѣ или юртѣ у чужихъ людей. Здѣсь ихъ кормятъ и одѣваютъ, а когда они подрастутъ, то учатъ писать и читать; дѣвочекъ пріучаютъ къ разнымъ рукодѣльямъ, а мальчиковъ къ рыболовству, чтобы они, когда вырастутъ большими, умѣли хорошо рыбу ловить, могли бы ее продавать, и деньги себѣ на житье зарабатывать.

Къ русскимъ священникамъ и монахамъ, въ ихъ пріютъ, много приводятъ сиротъ, да и не по одному, а по нѣскольку сразу. Умретъ, напримѣръ, у бѣднаго самоѣда или остяка жена, останутся маленькія дѣти, вотъ и везетъ ихъ отецъ въ Обдорскъ, въ русскій пріютъ. „Куда же я маленькаго помѣшу?“—говоритъ начальникъ пріюта.—„Я самыхъ маленькихъ не беру!“—„Бери, бери!“—говоритъ самоѣдъ, поставитъ колыбельку съ ребенкомъ у крыльца, а самъ уйдетъ. Маленькаго и приходится взять. Разъ ѣхалъ одинъ самоѣдъ по тундрѣ, да и заѣхалъ въ чумъ къ своему знакомому, входитъ—въ чумѣ тихо, огонь не горитъ, только кто-то жалобно пищитъ. Глядитъ самоѣдъ, а его знакомый съ женою и дѣтьми лежатъ мертвые, должно быть много плохого оленьяго мяса поѣли, да и умерли отъ него; уцѣлѣлъ одинъ

маленькій ребенокъ. Куда его дѣвать? Самоѣдъ взялъ его, да и отвезъ въ Обдорекъ, въ русскій пріютъ. Тамъ приняли маленькаго и спасли отъ холода и смерти.

По Обдореку ходилъ слѣпой остякъ, старикъ и просилъ милостыню. Его водилъ маленькій мальчикъ, они кормились тѣмъ, что имъ подавали добрые люди; умеръ слѣпой нищій, его проводнику некуда было дѣваться; узнали объ одинокомъ сиротѣ русскіе монахи и взяли его къ себѣ въ пріютъ.

Маленькихъ пріютскихъ дѣтей навѣщаютъ ихъ знакомые, и большіе и маленькіе, вѣмъ интересно, какъ живетъ сиротамъ въ рускомъ пріютѣ; монахи и священники (ихъ немного—трое, четверо) всѣхъ пускаютъ въ пріютъ посмотриѣть на свое житье. Эти священники и монахи хорошо знакомы остякамъ и самоѣдамъ; нѣсколько разъ въ годъ они объѣзжаютъ чумы и юрты, заходятъ къ самоѣдамъ и остякамъ, учатъ ихъ христіанской вѣрѣ.

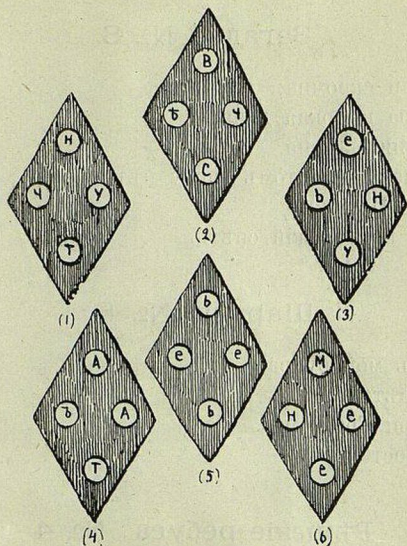
Остяки и самоѣды внимательно слушаютъ рѣчи священниковъ и многіе изъ нихъ бросаютъ своихъ идоловъ и просятъ научить ихъ, какъ нужно жить и молиться настоящему Богу.

Такъ живутъ въ далекомъ Обдорскѣ, среди снѣговъ тундры, самоѣды и остяки.

Е. Елеонская.

Ариемогрифъ № 2.

1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. *Грибъ.*
7. 8. 6. 8. Бда.
3. 5. 7. 8. Часть сѣдла.
4. 2. 6. 8. Бываетъ тяжела и легка.
1. 2. 3. 4. 8. Часть воднаго пространства
2. 7. 2. 6. 7. 8. Часть комнаты
3. 5. 4. 8. Свѣтитъ, но не грѣеть.
7. 2. 6. 7. 8. Домашнее животное.
7. 8. 3. 2. 6. 8. Надѣваютъ на ногу.
6. 7. 5. 4. 8. Паруемое судно.
5. 6. 7. 2. Часть иголки.
-

Задача буквъ въ фигурахъ. №. I.

Перемѣнить мѣсто буквъ въ каждой изъ данныхъ частей такъ чтобы, сложивъ изъ этихъ частей звѣзду, можно было прочесть въ ней одну русскую пословицу.

Загадка № 8.

Я незамѣтна и скромна,
Но мнѣ судьба высокая дана:
Я выше древняго Сіона,
Святыхъ, князей,—въ томъ спору нѣтъ,—
Я даже выше Пеліона,
И подо мной весь Божій свѣтъ.

Шарада № 8.

Первый слогъ мой буква,
А второй—цвѣтокъ,
Весь же я при Грозномъ
Вздилъ на востокъ.

Рѣшеніе ребуса № 4.

Въ рукѣ великаго человѣка перо сильнѣе меча.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятая рукописи, въ случаѣ надобности сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣечную марку для отвѣта.

3. Г-е подписчики, живущіе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначаютъ почтовое мѣсто, куда журналъ долженъ быть адресованъ. Ответственность за исправную доставку журнала вѣтъ почтовыхъ мѣстъ почтаютъ на себя не принимаютъ.

4. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

5. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 к.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ
на иллюстрированный дѣтскій журналъ

„ТРОПИКА“

выходить 1 и 15 важдаго мѣсяца книжками въ 2—3 печатныхъ листа и
предназначаются для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы,
статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Allegro*, М. С. Безобразова, З. Венерова,
пр.-доц. А. Генкель, Т. Гиппиусъ, К. Ельцова, Е. Кавосъ-Зарудная, А. Коваленская,
проф. Н. Котляревскій, А. Куринъ, Кл. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ,
Н. Манасеина, М. Н. Марулевъ, Д. Мережковскій, Л. Нелюдова, Э. Пименова,
А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, В. Успенскій, О. Химона, О. Чюмина и мн. др.

Цѣль и задачи журнала—развивать въ дѣтяхъ художественное чутье,
давать имъ занимательное и полезное чтеніе, включающее религіозный
и сказочный элементъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 рубля, на
полгода 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ
извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; отдѣленіе конторы въ
Москвѣ при конт. Печковской, Петровск. лин.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Площадь Мариинскаго
Театра, 6.

Редакторы-издатели П. Соловьева и Н. Манасеина.

